

ЧАСТЬ

7

в этой части...

Служение

Суицид культуры

Татьяна

Концерты классической музыки

Авангард

Выставки

Медики хотят вырвать этику у философов

Борьба с жизнеспособностью народа

О чрезмерном милосердии (или о жизни после смерти)

Суицид культуры

Среди людей искусства и науки нам особенно дороги те, кто готов перейти «из фаустовской деятельности» в молитву во славу Божию и взяться за труд «религиозного преобразования» своего творчества и мировоззрения», вопреки всеобщей тенденции...

Суицидные состояния пронизывают многие концепции последних фото- и художественных выставок. Захлебнувшись «свободой», наевшись до тошноты вседозволенности, мысль художника умирает, разлагаясь от преждевременной смерти.

На Руси святые останки святых людей называли мощами. Все чувствовали мощь

благодати, действующей в них. К ним прикладывались, их почитали, пред ними возносили свои молитвы. У Святых не было сомнения в Истине, они были самыми красивыми людьми на Земле.

И если обратиться к этимологии слова, мощи – это мощь, поэтому подписывали: святой такой-то и мощь его. Мощи закладывали в основание храма, престола, города, ими благословляли младенца, их вкладывали в кресты, мощи сопровождали человека от первого до последнего дня жизни. Святое Православие берегли от лжи и мудрования, и мощи Святых не потеряли благодатной силы.

В католической традиции нет слова «мощи», а есть «реликвия», в переводе - «костные останки». И современная европейская культура потеряла мощь, она стала немощной, суицидной. Имеется в виду и немощь мысли, как в болоте, утонувшей в материализме. Но, конечно, «материализм» западный и «материализм» русский – совсем разные вещи. Материализм западный – это непременно знание, что Бог есть, но все направление жизни сфокусировано на том, чтобы этого факта не заметить, а устроить «рай на Земле» усилиями своей образованности. Русский материализм – это непременно полное отрицание бытия Божия, даже без стремления устроить «рай на Земле». Рай на Земле строить и не надо. Нужно бороться с врагами, терпеть, страдать, ждать прибавки к пенсии и т.д.

И все-таки общая тенденция нашей эпо-

хи, «растрепанной и мятущейся», это – разбожествление.

Западный мир вздыхает: «мы, того и гляди, породим людей столь скромного ума, что они не поверят в арифметику. Мы рискуем увидеть мыслителей, сомневающих во всемирном тяготении – не приснилось ли им оно».*

**Честертон*

Поэтому обозначен феномен современной культуры – самоубийство мысли, которая настаивает на том, что

- «в мысли нет никакой надежности,
- если разум механичен, то и думать неинтересно,
- а если мир нереален, то думать не о чем».*

**Честертон*

А с чем связана робость мысли у нас, входящих в культуру Православия? С безбрежностью Живого океана Премудрости Божией, и нашей малой способностью передать даже свой опыт. И вот почему.

В творчестве есть некий «коэффициент искажения», сжимающий реальность в «пространство и время» искусства, не только допускающий, но и требующий определенного вымысла за гранью вероятного.

В духовной жизни «невероятное» является присущим вероятному, и этот язык «невероятного» является не переводимым для тех, кто привык к литературному вымыслу. Он воспринимается другим органом: духовным оком, и требует другого языка - языка правды. Поэтому,

Ирина Лебедева, директор Третьяковской галереи и Николай Ильин в музее обители.

мы говорим языком правды и ставим осознанные смысловые ударения:

- мысль подтверждает защищенность чувства в Православии;
- разум, как дар Божий боголюбивому уму, преодолевает рассудочность и, встречая Божественное Слово, обретает возрождающую силу;
- мир, реально существующий, открывает реальность духовного мира (Триединство Бытия: Бога, мира и человека). Вечность единоличного существа начинается с его рождения (точнее, зачатия)*, и открывает необъятные просторы для постижения сущности жизни и встречи с Богом.

*На одном из Соборов Церковь отвергла теософское учение о предсуществовании души и приняла догмат о создании души человека в момент его зачатия.

Здесь нет места суициду мысли, есть трепетная радость: «С нами Бог!»

В нашем монастыре проходят встречи с художниками, музыкантами, писателями, журналистами. У каждого собственный прорыв и встреча с Богом, и желание раскрыть свой путь для совместного осмысления.

Сила их образа или мысли, или тайна бытия мира, выраженная в звуке, в слове, открываются в выставках, беседах или на концертах. Душевная доброта и желание говорить приводят их в Коломну, в наш монастырь. Так мы узнаем удивительные факты из жизни наших друзей.

Татьяна

Очень решительная и способная завихрить всех, сочинив новый проект мирового масштаба, Татьяна Гринденко* приехала к нам впервые несколько лет назад.

**Татьяна Гринденко – народная артистка России, лауреат международных конкурсов имени П.И. Чайковского, имени Г. Венявского (Польша), «Золотой Орфей» (Болгария), солистка Московской Государственной академической филармонии.*

Знаменитый музыкант, скрипач и руководитель Академии старинной музыки, она поражает силой своего исполнения не только мировые сцены, но радуется и глубинки, открывая святая святых истории музыки. Но сейчас хотелось бы вспомнить не столько о таланте большого музыканта, сколько о молитве и о том удивительном событии, которое произошло в жизни Татьяны.

В интервью радиостанции «Благо» она

Татьяна Тихоновна Гринденко, народная артистка России.

рассказала о своей маме – Елене Евсеевне Липилиной, в замужестве Гринденко:

«Моя бабушка, купеческая дочь, почти сразу после рождения моей мамы, на второй день, умерла. Дедушка был расстрелян большевиками. Поэтому мама с братом выросли абсолютными сиротами. Детство было тяжелое, и мама не могла забыть, как в детском доме от голода у нее пухли ноги. Старший брат, чтобы прокормить сестру, подворовывал, но когда устроился на работу, взял ее из детдома и поступил учиться. Он получил два высших образования.

Когда мама получала паспорт, то сказала, что на четыре года старше, чтобы была возможность побыстрее поступить в институт. Она получила два высших образования: по специальности патологоанатома, а потом, чтобы быть рядом с детьми, она стала детским врачом.

Мама, как и положено жене офицера, и папа были совершенно неверующими людьми. Мы жили в Харькове, рядом с Благовещенским Собором. И когда открывалась дверь в храм, я видела черную дыру, в которую заходят люди, и меня туда страшно тянуло. Но заходить не решалась, потому что знала: туда нельзя.

Пока не произошел такой случай.

Однажды я шла к автобусной остановке, она была рядом с храмом, а погода была обычная, харьковская: заснеженная и слякотная зима, не холодно, не жарко, а слякотно.

Передо мной шла женщина, такая стран-

ная, вся закутанная, и с босыми ножками. Шла прямо по этой слякоти. Я так поразились ее виду, что увязалась за ней, потому что не могла от нее оторваться, и все смотрела, как она шла и шла босыми ножками по этой снежной слякоти. Так она меня поразила. Потом она куда-то исчезла. А я оказалась около храма. Такое впечатление, что этими босыми ножками она привела меня в храм.

Не помню, сколько уже прошло лет, но мама узнала, что мы с братом стали ходить в храм. Тут она сказала, что от храма не оставит камня на камне, чтобы спасти своих детей! Ей было очень трудно, потом - тяжелая болезнь, а в страдании многое передумывается, и она стала постепенно приходить к Богу.

По профессии она была врачом. И то, что она была врачом и работала в детской патологии, помогло ей стать настоящей подвижницей. Например, как многие советские врачи, она работала летом в пионерском лагере. Как же она за всех переживала! Она ложилась спать всегда в платье - настолько мертвецки уставала, что не было сил раздеться, и если ночью кто-то стучался в дверь, и надо было встать к больным, она всегда была готова. Вот такая была мама. Себя не видела, вся в своих маленьких больных!

А когда мама умерла, у нас и места на кладбище не было. Мы приехали в Москву из Питера, и место, которое нам предложили, было бесконечно далеко, в Подмосковье. Папа был уже в возрасте, а я постоянно на гастролях. В

общем, все было ужасно, и, как это ни печально, но исчезли все, кто обещал помочь, и я осталась одна со своим горем.

В отчаянии спрашиваю Мартынова: кому же молиться? А он так просто говорит:

- А кто из затворников «жил во гробах»? Они все и знают.

Я стала молиться Киево-Печерским угодникам. Раз они там жили, то и должны знать, где у них под землей есть место... И неожиданно среди нот я нахожу бумажную иконочку Киево-Печерским святым, но откуда она взялась, я не знаю. Для меня это был сигнал, что я на правильном пути, и я опять стала молиться, с поклонами, со слезами...

Вдруг, как-то утром, звонит наш знакомый, не могу сказать, что друг, но добрый знакомый и известный поэт Леонид Дербенев. Звонит и говорит:

- Таня, я знаю, что у Вас несчастье, я хочу Вам помочь, у меня есть место на Ваганьковском кладбище.

К сведению: Ваганьковское кладбище закрыто для захоронения, если только остались какие-то семейные могилы, в которые можно хоронить. А так, похоронить на Ваганьковском кладбище, у меня даже надежды не было.

Я была в шоке!

К тому же, кладбище находится прямо напротив окон нашей квартиры, в 100 метрах от дома, где мы жили, и папа мог бы спокойно приходить на могилку мамы.

Маму похоронили, и среди тогдашних трудностей, место на кладбище нам просто подарили. Но это еще не все. Самое удивительное открылось позже.

На девятый день прихожу на могилку отслужить панихиду и встречаю Леонида Дербенева.

Говорю ему:

- Леня, как приятно, что Вы пришли, большое спасибо...

- Вы знаете, я здесь неслучайно. Сегодня сороковой день моего отца.

- Надо же, какое совпадение.

- Это не только совпадение. Я не хотел Вам говорить, но... мой отец лежал раньше в этой могиле. Прошло три дня после похорон и случилось нечто невообразимое. Отец стал являться мне и моей матери, и настаивать: это не мое место! Он приходил во сне каждый день с одними и теми же словами. Это настолько было сильно, что противиться мы не смогли! Я проделал огромную работу по согласованию с милицией, санитарной службой и администрацией кладбища, чтобы перезахоронить отца в другое место. Но еще одно затруднение. Что делать с прежней, открытой могилой? И тут я узнал о смерти Вашей мамы.

Так все наши слезы и страдания разрешились чудесным образом. Вот как распорядились Киево-Печерские Святые...

Смерть мамы я переживала очень тяжело. Смерть матери всегда тяжела, но меня горе просто не отпускало. Я непрерывно читала Псал-

тирь, везде, где могла, подавала записки за упокой. Но чувствовала, что все это мало, очень мало. Сердце не успокаивалось, пока не увидела ее заботливую руку и «оттуда».

У меня есть знакомая Нонна Андреевна, преподаватель музыки в регентском классе при МДА. Она маму никогда не видела, но она ей как бы привиделась, и сказала:

- Скажи Тане, пищи много, а ... нет.

- Что это означает?

- Не знаю, бегите на кладбище.

Прихожу, а креста на могиле нет. Выкопали. Я купила новый крест и поставила.

Еще раз снится моя мама Нонне Андреевне и говорит:

- Нонна, Вы не носите тяжелые сумки, у Тани есть моя сумка, голубая, вот эта сумка вам пригодится.

И эта сумка на колесиках, легкая и удобная, много лет прослужила Нонне Андреевне на молитвенную память о моей маме: Елене Евсеевне Гринденко.

Концерты классической музыки

Почему именно в монастыре? Потому что сами стены настраивают. Они пропитаны молитвой и поиском правды, и проходящим неслышно задают вопросы.

Они напоминают и позволяют восстановить потерянный смысл замечательных произведений. «В силу общих тенденций европейской культуры все

дальше уходит от изначальных ценностей жизни» понимание музыки. Но Татьяна Гринденко с ансамблем «Академия старинной музыки» готова дерзновенно разрубить сети рутины и достать жемчужину из под спуда.

Вот один из проектов. Исполнением OPUS

Татьяна Гринденко с ансамблем «Академия старинной музыки».

POST в монастыре состоялся концерт Иосифа Гайдна «Семь слов, произнесенных Спасителем на Кресте».

Почему сама Татьяна обратилась именно к этому произведению, она объясняет так:

- «Музыка Гайдна, написанная на слова, произнесенные Христом в час Крестной смерти, стоит на совершенно особом месте не только как явление музыкальной культуры своего времени, но и всей истории европейской музыки.

- Она вызвана к жизни заказом архиепископа города Кадикса (Испания) в 1785 году. Это было об-

ращение к ведущим композиторам того времени, но Гайдн был единственным, кто сумел переложить эту тему на музыку – столь трудна была задача.

• Более чем за два века, глубокое духовное наполнение постепенно утратилось, в связи с тем, что происходило упрощение внутреннего содержания при замене его на внешнюю форму. В наши дни это просто обычный концерт, звучащий довольно редко, поэтому нашему современнику нужно совершить огромное усилие, чтобы пробиться сквозь толщу руин и исторических наслоений к первооснове содержания, первооснове Бытия, к тому, что есть Начало и Конец».

В монастыре любой уголок является «сакральным пространством», даже концертный зал хранит память молитвы. Исполнители сразу чувствуют согретый объем, их ждут, их хотят «услышать».

Для концерта Гайдна было особым образом выстроено пространство зала. В центре, в ярком световом потоке, сходящемся кверху конусом, расположились исполнители. Вдоль стен, по кругу, не столько отдельная выставка, а соответствующие состоянию концерта фрагменты живописи. Звуки музыки отделяли происходящее от остального мира и реального времени. В этом созданном образе и исполнении возвращался изначальный смысл шедевру Гайдна. А в соответствии с нашими переживаниями возникло особое состояние вневременности, состояние предстояния у Креста.

Слушатели: Коломенские жители, преподаватели музыкального училища, студенты... Эти концерты являются для них вдохновенным

прикосновением к великой значимости того, что открывается в Храме Божиим. Не остается в стороне и пресса.

«Это уникальная культурная акция, своеобразная встреча-синтез европейской и русской духовной традиции». Татьяна добавила еще несколько ключевых фраз:

- Произошло возрождение истинного звучания этого совершенно особого произведения, что сегодня, во время отпадения культуры от вечных ценностей так жизненно необходимо.*

** Ансамбль «Академия старинной музыки» был образован в 1982 году Татьяной Гринденко и сразу же завоевал широкую известность в СССР благодаря принципиально новому подходу к исполнению старинной музыки, основанному на понятии аутентики, т.е. подлинности. Музыканты «Академии старинной музыки» используют не только старинные инструменты, смычки и жильные струны, но и воссоздают исполнительский стиль XVII-XVIII веков. Все это сделало ансамбль «Академия старинной музыки» выдающимся явлением в российской культуре.*

Но концерты приносят новые впечатления и тем, кто в них участвует:

- рождается новое понимание того, что ты делаешь, - поделилась обладательница необыкновенно красивого голоса, солистка Яна Иванилова (лауреат многих международных конкурсов).

- Когда выступаешь в монастыре, программа воспринимается по-другому, и начинаешь себя рассматривать с духовной стороны, и то, что ты предлагаешь слушателям. Отбрасывается мишура концертная, которая легко проходит в концертных залах, более строго относишься к сюжетам, которые предлагаешь, не все подходит, и есть некое ощущение экзамена духовного. Не знаешь как себя вести на

сцене, поэтому хочется только правды, начинаешь переживать обостренное чувство правды! Ну что может быть лучше, как приехать сюда!

Авангард

Современность жива своей остротой переживаний, и находит форму ее воплощения. Это опять о концерте, только уже современного авангарда.

Как обычно, начиная концерт со старинной музыки, и завожнив слушателей ее спокойным течением, мягким звуком, Татьяна выбрала для следующего отделения «Сонату из Драмы» Валентина Сильвестрова, ошеломив всех.

«Драма была написана в 70-е годы, когда внутри всех жила страна в стиле композитора Тихона Хренникова, музыка замечательная, спокойная. Но мир только из этой музыки не состоит. Валентин Сильвестров – один из тех композиторов, который сказал:

- Все, хватит. Вы хотите только сладкого, а в жизни есть и горькое, и кислое... Я покажу вам это горькое.

- Это не протест, это что-то другое, - предупредила Татьяна, - может быть - равновесие.

1. Равновесие - это одно объяснение.

2. Музыка прошла такой путь, написано столько, что все уже исчерпано. Правда, находятся такие хитрецы, как В. Мартынов, и Г. Пелецис, в их музыке звучат свежие мысли, состояния.

3. Но возможно и изобретение другого способа передачи звука. Звук начинает обретать но-

вое значение и новую ценность. Тогда все, и стук за дверью, и скрежет трамвая, и шум ветра – и это музыка. Начинается жизнь звуков в объединенном мотиве. Это и тоска по раю, это и потрясающая боль, и измученная любовь, которую невозможно передать. Это и есть Драма».

Татьяна играла вместе с пианистом. У всех шок. Одни будто проснулись, заговорили, протестовали... А другие подумали: почему нет? Что окружает нас? Гармония? «благорастворение воздуха»? или жуткий скрежет цивилизации?

Город превратился в газовую камеру, от которой спасаются, считая это за лучшее, кондиционеры. С раннего утра и, не прекращаясь опять до раннего утра, город издает звуки чудовища, собравшегося проглотить доверчивых обитателей, затягивая их, как в воронку, в подземные каналы метро...

Реклама всех превратила в потребителей, своим пошлым смыслом пощипывая чувства. Идет настоящая, смертоносная война... И доверчивый обитатель Земли, человек, тайну бытия которого Господь раскрыл в Евангелии, чувствует несоответствие этой формы цивилизации с той внутренней жаждой правды и счастья, которые ищут в нем своего слова...

Искренность вызывает благодарность, и мы благодарны Татьяне Гринденко и всему ансамблю «Академии старинной музыки» за встречу с творчеством композиторов, которые остро переживают и не принимают лжи современной цивилизации, более того, находят, как об этом сказать, вызывая слушателей на очень честную платформу размышлений.

Выставки

Фотовыставки открывают новую грань для возможности общения в стенах монастыря.

Зрительный образ, яркое впечатление, казалось бы, самый быстро говорящий язык искусства.

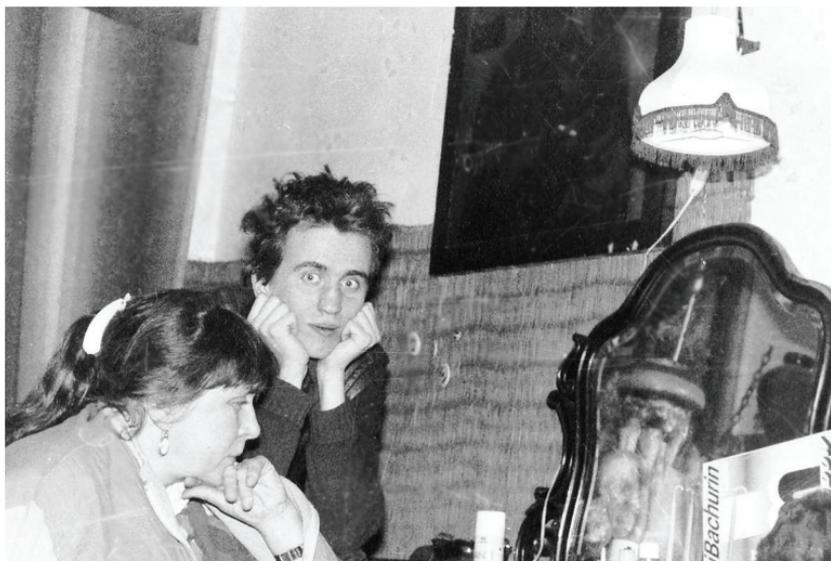
Но и в фотографии обыватели ждут красивенького или, как принято сейчас говорить, гламурного образа. Вместо этого благородный взгляд Православной России с портретов дворянства, крестьянства, купечества, священства был представлен на выставке «История фотографии. Начало XX века».

«Эти портретные снимки – историческая реальность. Собранные в коллекцию, они дают историкам, музейным работникам, художникам ценный иконографический материал для изучения ушедшей эпохи».*

**А. В. Повелихина.*

Фотовыставка «Жизнь Московской Епархии», подготовленная к Дню Славянской письменности и культуры (2007 г.), более событийна и репортажна. Ощущение, что мы все время спешим. Спешим работать, спешим смотреть, спешим думать. Как отразить это движение, которое идет фоном к действительно многим и важным событиям?

Используя современные мультимедийные средства, которые позволили максимально охватить объем информации и совместить три формы подачи материала: видео- фото- и компьютерный монтаж, выставка помогла «разморозить» представление

Людмила Сашинская и ее сын Павел.

о монашестве как «темном» классе общества.

На выставки приезжают многие фотографы из Москвы, Петербурга, и не только приезжают посмотреть, но являются авторами проектов.

В проекте «У монастырских стен» участвовали Георгий Колосов, Людмила Тоболина, Александр Китаев, Станислав Чабуткин, Анастасия Хорошилова, Александр Джус, Ирина Аликина..

Выставка Людмилы Тобиной открыла пикториальный мир фотографии Коломенским зрителям.

Выставка Анастасии Хорошиловой «Послушные» прошла в музее современного искусства в Москве.

Выставка Георгия Колосова - «Всякое дыхание...», наполненная движением света, открывает мир духовного просветления самого фотохудожника. В его работах нет мелочной конкретности, обывательского реализма, формального предствояния со свечей как

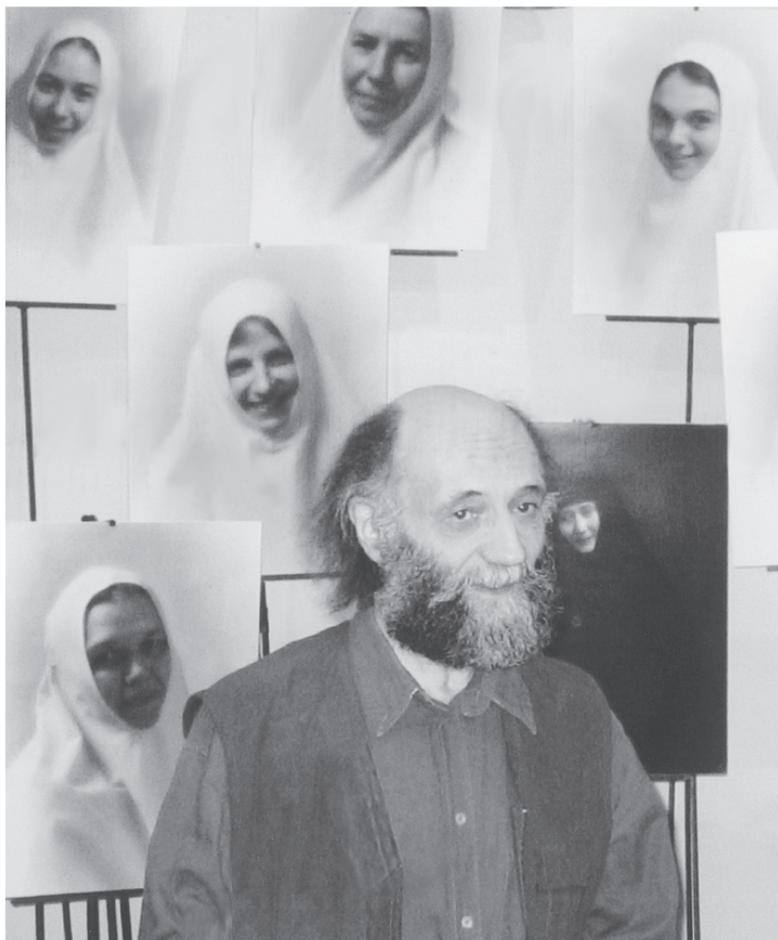
Людмила Таболина. Автопортрет

ление, исхождение из тьмы...

На открытии выставки теоретики искусства особо отметили, что «основу фотографической культуры Георгия Колосова составляют размышления о природе света».

- Мы рады возможности открыть выставку мастера, который продолжает традицию русского искусства, ориентированного на присутствие Бога в человеке, - из вступительного слова.

Сам Георгий написал пространное обоснование идеи проекта: *«Творческая воля человека обычно не совпадает с волей Божией из-за того, что ко спасению души не направлена. Да и шедевры наши в симфонии Творца звучат в лучшем случае провинциальной актерской отсебятиной в шекспировском тексте. Однако творческий опыт, если он выведен из-под власти законов мира сего, помогает раз-*

Георгий Мстиславович Колосов.

делить радость творения. Чтобы так произошло, необходимо не только разрешиться от страсти к творчеству, но и все вторичное, все, что создано безумным человеческим произволением, вывести из круга интересов. Тогда беззащитная природа – мир Божий – возвращает художника к началу его жизни», а его творчество становится апостольским свидетельством миру о любви Божией к человеку.

Портреты сестер монастыря, как сказал сам художник – «лучшее средство от уныния». Да мы и сами никогда не унываем, с помощью Божией, а бежим к следующему служению.

Медики хотят вырвать этику у философов

В Медицинском центре имени блаженной Ксении Петербургской «жизнь бьет ключом», как говорится в поговорке. Между медицинскими конференциями и изданием газеты, да еще и приемом множества пациентов, надеющихся именно здесь найти правильный совет и направление к тем врачам, которые не навредят.

Опасениям есть причины. Не только атеизм, искажая знание о человеке, не может не ошибиться в медицине, но и новейшая западная медицина стала античеловечной, оправдывая свои преступления необходимостью «вырвать этику из рук философов»..

Эта мысль подтверждается цитатой одного из всемирно известных исследователей приматов - Frans de Waal.

•«Мы, кажется, достигаем точки, в которой сможем выхватить этику у крепко держащих ее философов».

И в последние десятилетия нейробиологи, биологи и т.д. на рациональных основах(!) закладывают фундамент этой этики, создают новый медицинский катехизис, опасность внедрения которого может многих унести из жизни преждевременно. Разработан целый план, и даже рекламируется как

нечто разумное, а начинал он формироваться с простых вопросов такого типа:

- Является ли обязанностью врача продление жизни любой ценой? Или возможны варианты, когда можно отказать больному в продлении жизни?

О чем идет разговор? О нашей жизни! Чтобы мы готовились сами отказаться жить, если врачам будет слишком хлопотно возиться с нашими болезнями, или у нас не будет достаточно средств, чтобы оплатить лечение!

Действительно серьезные вопросы. Но когда в Италии пациентку, восемнадцать лет прикованную к аппарату, приняли решение «отключить», и в результате последовала ее смерть, вся общественность обвиняла врачей и президента, давшего разрешение, в убийстве. И другого имени нет. «Убийственная этика», замаскированная под право больного отказаться от жизни, преступна.

Наука и медицина должны содействовать жизнеспособности человека, но, к сожалению, преуспевают в обратном. Они оправдывают и пропагандируют не только убийство и самоубийство, но впереди грядет «клонированное человечество, выращенное в пробирке, победившее гены смерти, это будет мир Франкенштейнов, людей без сердца, человеко-роботов. О! Они смогут захватить власть, и тогда люди поймут, кого они породили».*

А.И. Осипов

Осознавая всю опасность этого продвижения медицины, православные врачи пытаются приостановить натиск генного «творчества», волну абортотворения, обращаясь лично к каждому пациенту с объяснения-

ми, к чему может привести их неправильный выбор.

Недавно перед российскими коллегами выступал знаменитый французский акушер Жером Лежен. Он предложил для рассмотрения такую ситуацию.

В семье мать заражена туберкулезом, отец болен сифилисом. У них уже родилось четверо детей. Первый ребенок умер. Второй родился с врожденной слепотой вследствие врожденного сифилиса. Третий родился глухим. Четвертый - с врожденным туберкулезом.

- Как вы, уважаемые акушеры-гинекологи, посоветуете поступить этой матери?

Все решили посоветовать ей прервать беременность абортom.

Выслушав ответы, Жером Лежен продолжил:

- Дело в том, что это реальная семья существовала в XIX веке, когда отношение к абортom было однозначным – это смертный грех. И мать родила ребенка. Этим ребенком был Людвиг ван Бетховен! При современном количестве абортom, представьте себе, сколько гениев убивается во всем мире, - закончил свое выступление французский коллега.

Что же позволяет занести нож над невинной жертвой? – спрашивают не только врачи, но и те, кто хочет сохранить жизнь своего народа. Это и альтруисты общества «Жизнь», которые в Коломне уже несколько лет борются с отчаянием малолетних матерей и матерей одиночек. Ими же, в меру сил, решается вопрос о помощи тем матерям, у которых дети больные. Личный подвиг таких матерей – это подвиг

всей жизни, и если они приобщают больных детишек к Храму, то и дети одаривают их своими откровениями:

- Мама, мир держат больные дети! – сказала девочка-инвалид маме, а для матери это подтверждение надежды, что ее подвиг не всуе. А если матери сами поднимают руку на нерожденных детей и бросают родившихся больными, то рассказ о Саше может помочь увидеть, какое же это зло. Этим рассказом, как и многими другими, поделился С. А. Сошинский на Московских Рождественских чтениях, которые он потом и издал в книжечке о больных детях «Зажечь свечу»:

«Саше было 9 лет, но по величине он был как трехлетний. Кажется, у него была микроцефалия, а руки и ноги его были совершенно кривые. Мне объяснили, что его мать хотела избавиться от ребенка и туго перетягивала живот. От ребенка она не избавилась, но еще в утробе изуродовала ему руки и ноги. Саша не умел говорить ни слова, но глазами следил за происходящим в палате, и с ним можно было играть в простые игры вроде «ладушек». Он мог радоваться, улыбаться, смеяться. Одна из ухаживающих за ним православных женщин однажды мне сказала: - Я часто думаю о его матери, где она, что с ней? Ведь где-то она есть и, наверное, уже давно забыла о Саше, а он – вот он, живет... Я часто за ним наблюдаю. Иногда в его лице появляется что-то такое, что мне кажется – Саша видит ангелов.

Помолчав, добавила:

- Мы ведь, по нашим грехам, еще не известно, где будем, а Матерь Божия - с такими, как Саша...

Борьба с жизнеспособностью народа

Не помощь, а борьба! - поэтому на медицинских конференциях совместно с профессорами из ММА им. Сеченова, наши православные врачи очень внимательно рассматривают новые методы лечения. Не менее парадоксальны и старые.

Небольшое отступление к началу XX-го века.

Смена власти в России, недоверие большевиков к «буржуазным» врачам, и новая категория врачей-большевиков, казалось бы, должны обеспечить правильное лечение партийным лидерам.

Вождь мировой революции придерживался совершенно иной точки зрения. Вот некоторые факты.

Близкий к большевикам журналист Николай Вольский вспоминал: «В случае болезни Ленин обычно обращался к очень хорошим врачам или знаменитостям. У брата своего Димитрия он не стал бы лечиться. А в полном собрании сочинений Ленина есть его письмо 1913 г. Максиму Горькому, которого взялся лечить доктор Манухин:

Известие о том, что вас лечит новым способом «большевик», меня беспокоило. Упаси Боже от врачей-товарищей вообще, большевиков, в частности. Право же, в 99 случаях из 100 врачи-товарищи «ослы», как мне раз сказал хороший врач. Уверяю вас, что лечиться (кроме мелочных случаев) надо только у первоклассных

знаменотостей. Пробовать на себе изобретение большевиков - это ужасно!»

В другом месте, рассуждая о врачах-коммунистах, Ленин говорил: «Возможно, что они умеют написать прокламацию и произнести речь на митинге, но медицинских знаний у них, конечно, нет никаких. Откуда им быть у них, когда они их не приобретали, практики не имели, а занимались политикой? Я хочу иметь дело с настоящими врачами, специалистами, а не с невеждами».

Ленин не изменил своим принципам, и возглавив правительство. Заболевших товарищей, включая Крупскую, он посылал на лечение за границу и выделял остродефицитную валюту для оплаты консультаций европейских светил».

**(Журнал Власть № 19 (822) от 18. 05. 2009).*

Для наблюдения над состоянием старой партгвардией были созданы и Наркомздрав и Лечсанупр... Не вдаваясь в особенности лечения, остановимся на некоторых, например, «партработников от всех болезней усиленно лечили очищенной мочей беременных женщин (гравидан). Разрабатывал препарат муж скульптора В. Мухиной врач Алексей Замков. Массовым было употребление морфия «от всех стрессов».

«Временами, правда, происходило болезненное привыкание к наркопрепаратам, и приходилось принимать меры, чтобы ослабить зависимость». Но легче не становилось.

«Ректор Коммунистического университета имени Свердлова Матрын Лядов по настоя-

нию врачей отдохнул в принадлежавшем тогда Лечсаанупру подмосковном санатории «Архангельское», но это не принесло никаких результатов:

*«Самочувствие улучшилось не резко. Тов. Лядов сразу же окунулся с головой в работу и почувствовал себя плохо».**

**(Журнал Власть № 19 (822) от 18. 05. 2009).*

Прошло сто лет, и картина мировой медицины не то что вся почернела, но угрожающих фактов много.

Изменилось отношение к человеку, не говоря уже о страшных экспериментах на людях в концлагерях или сейчас, на приговоренных к смерти (в Америке такие опыты проводят), что оправдывается этическими положениями такого типа:

«1. Действительно, трудно даже подумать, что Бог обеспокоен ежедневными делами миллиардов эгоистичных, склочных, жестоких людей, населяющих одну крошечную планету среди сотен миллиардов солнечных систем...

Эйнштейн, автор теории относительности, говорил, что он «верит в Бога Спинозы, проявившего Себя в сотворенной гармонии, а не в Бога, который соотносит Себя с судьбой и действиями людей».

2. Что мы, конечно, «мало отличаемся от обезьян. Как известно, шимпанзе и люди отличаются только на 1,6 генов.

3. Да и действительно ли человеческая жизнь является священной? Если душа – это раз-

ум, а разум населяет мозг, то смерть мозга сопровождается и смертью души.

4. Таким образом, мы отвергли большое утешение религии – бессмертие души, ее отделение от тела и возможное переселение в вечную жизнь, надежду на будущую жизнь, награду за земные страдания и наказания за грехи.

5. Следовательно, вера в то, что страданием можно искупить вину, получить награду в другой жизни – это всего лишь простая иллюзия, и тогда стоит ли продлевать страдания, когда уже нет надежды?»*

**Frans de Waal*

Из всех размышлений делается вывод:
человеку незачем страдать!

Существо он всецело материальное, и какая разница, когда он умрет, раньше или позже!

И искусство избавления от страданий в медицине вышло на мировую арену. За основу взято развитие Эпикурейской модели поведения: максимум удовольствия (награды) при минимуме страдания (наказаний), что и породило такое чудовищное средство «помощи» страдающему человеку, как

- эвтаназия (зашифрованное самоубийство больного. Более того, для врача, спровоцировавшего в нем этот поступок, это является грехом убийства),
- убийство детей в утробе матери (аборт),
- использование эмбрионов для лечения «золотого человечества»,
- «право на смерть» для нищих, не спо-

собных заплатить за лечение, т.е. обоснование для них отказа от лечения (особенно, гемодиализ) и т.д.

Сегодня злая и убийственная этика уже строится по этому псевдонаучному сценарию. Ее усилиями падают в землю тысячи тысяч больных, которых убеждают в том, что им не надо жить, они имеют «право на смерть».

Но есть и те, которые видят убийц в белых халатах и свои научные усилия направляют на разоблачение их лжемилосердия.

Жизнь дана Богом, и нам дано право на жизнь. И личностное решение каждым антропологической проблемы: кто такой человек, неизменно предполагает и видение встречного движения Бога к человеку в Пришествии Христовом. Мы не одни. Пришел Сын Божий и даровал Церковь для преодоления всякого страдания и просветленного несения своего креста.

В сентябре 2007 года в Белгороде состоялся I Всероссийский съезд православных врачей. И хотя постановка вопроса не означала его решения, но и среди моря беззакония нашелся островок для добрых и правдивых, которые готовы бороться за жизнь своего народа...

Во Всероссийской съезде участвовали и наши дорогие друзья, профессора Московской Медицинской Академии им. И. М. Сеченова, и постоянные ведущие медицинских конференций в монастыре:

Геппе Н.А., игуменья Ксения, Ревякина В.А., Лыскина Г.А.,
Петрова Л.А.

Наталья Анатольевна Геппе, доктор медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой детских болезней, заслуженный врач Российской Федерации;

Ирина Васильевна Силуянова, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой биомедицинской этики РГМУ, заместитель председателя Церковно-общественного совета по биомедицинской этике Московской Патриархии;

Вера Афанасьевна Ревякина, доктор медицинских наук, профессор, главный детский аллерголог Российской Федерации;

Наталья Геннадьевна Машукова, кандидат медицинских наук, сотрудник кафедры детских болезней ММА им. И. М. Сеченова;

Екатерина Алексеевна Савина, директор Московского центра реабилитации зависимых от алкоголя и наркотиков и их семей «Зебра»... Хочется поблагодарить их, приводя слова Елены Камбуровой, народной артистки России, которые она написала в газету «Медицинский вестник», поздравляя врачей и пациентов, а также всех читателей с Рождеством Христовым.

«В новом году мои пожелания:
всем жить по календарю вечного времени с вечными ценностями;

помнить, что, если что-то нравится большинству, то вовсе не значит, что это на самом деле интересно;

не терять ощущения времени, которое дается не только для радостей, но и для испытаний, для работы над своей душой».

Александр Викторович Недоступ (доктор медицинских наук, профессор, Председатель Российского общества православных врачей), оценивая работу Общества православных врачей Коломны, определил, что это

«явление, достойное подражания. Особое место в вашей работе занимает газета «Медицинский вестник», которая не только помогает читателям сориентироваться в вопросах современной медицины, узнать о православном взгляде на лечение тяжелых недугов, но и дает возможность духовного совершенствования и просвещения».

Наш электронный адрес: med-novogolutvin@ya.ru
www.novogolutvin.ru

О чрезмерном милосердии (или о жизни после смерти)

Позволю себе литературное отступление с небольшим эпизодом о жизни после смерти. В Тверском женском монастыре завет о милосердии к ближним исполнялся просто и непринужденно, как впрочем, и во всех монастырях. И при этом монастыре нашел себе убежище не нашедший пристанища в холодном и гордом мире раб Божий Володя, по прозванию Коломенский. Страдая пристрастием к выпивке, он все же вел уединенную и строгую жизнь на монастырской пасеке, находящейся в лесу, раз в неделю приходя за пропитанием. Несколько лет уже прожил Володя при монастыре, как вдруг, одну неделю не приходит за едой, вторую... Сестры забеспокоились, пошли на пасеку, нет Володи. А тут звонок из милиции, срочно вызывают, да и говорят: «У нас в морге лежит ваш Володя, идите, посмотрите, это точно он».

- Боже мой! – рассказывают сестры. - Идем мы в морг, страху натерпелись, а сопровождающий и говорит: «Вот он, смотрите».

- Да нет, не похож! – возражают сестры.

- Да что вы! Знаете, как покойники меняются? Это он. Но, если не хотите, пожалуйста. Мы похороним его под номером 384, и все.

- Ох, Володечка, как же его похоронить под номером? Нет-нет, мы заберем.

Забрали, отпели, похоронили, крест по-

ставили, да и письмо родной сестре написали: «Похоронили мы Володечку. Как мы его жалели, как мы к нему хорошо относились...» Весь монастырь молится за упокой Володи Коломенского. Прошло еще две недели, как раздается звонок: - Сестры, заберите меня. Я в таком-то заведении.

- Да кто же это?

- Володя!

- КТО-О-О-О-О-О

Дальше можно не продолжать, но когда Володя приехал в монастырь, сестры ему рассказали, как его отпели, как похоронили, и какое доброе письмо написали его родной сестре. А он только вздыхал, что последние две недели очень плохо спал и ругался, что из того заведения, куда он попал, ему не дали позвонить, холодно отрезая: у нас не положено!

На такой веселой нотке, достойной пера Салтыкова-Щедрина, мы закончили еще одну главу и переходим к другой, которая должна указать нам путь к Возрождению.

